

З. В.И. Шаховский/V.I. Shakhovsky

*Волгоградский государственный педагогический университет, г. Волгоград
Volgograd state pedagogical University, Volgograd*

ЧТО ТАКОЕ ЛИНГВИСТИКА ЭМОЦИЙ WHAT THE LINGUISTICS OF EMOTIONS IS

Ключевые слова: эмоция, этиология, коммуникация, языковой знак, эмотивная лексика.

Keywords: emotion, emotiology, communication, language sign, emotive lexicon.

В статье описаны основные направления и достижения отечественной и зарубежной лингвистики эмоций, установлен круг проблем эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоционального поведения, эмоциональной / эмотивной лакунарности во внутри- и межкультурной коммуникации.

The article describes the main directions and achievements of Russian and foreign linguistics of emotions. A range of problems of emotional linguistics is set: emotional culture, tolerance, emotional behaviour, emotional / emotive lacunarity in intra- and intercultural communication.

Лингвистика эмоций своими корнями восходит к давнему спору большой группы лингвистов (напр., М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сепир, ван Гиннекен, Г. Гийом, Ш. Балли и др.) о том, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими. Долгое время ученые расходились в решении этого вопроса. Часть из них считала, что доминантой в языке является когнитивная функция, и потому они исключали изучение эмоционального компонента из исследований о языке (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом). Другая группа ученых (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль) выражение эмоций считали центральной функцией языка.

По мнению С. Kerbrat-Orecchioni, место эмоций в лингвистике XX в. минимально, так как проблема выражения эмоций, по ее мнению, не является основной (Kerbrat-Orecchioni, 1977). Действительно, язык служит, прежде всего, для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и для их межпоколенной трансляции, но все эти процессы не могут не сопровождаться чувствованиями, переживаниями, желаниями, и потому не могут не учитываться лингвистикой. Вышеприведенный автор, видимо, опирается на давно устаревшее мнение Э. Сепира, который считал язык инстинктивным средством (ср.: Pinker, 1994). По Э. Сепиру, «образование *идеи* для языка имеет большее значение, чем проявление воли и эмоции» (Sapir, 1921). С этим мнением согласиться нельзя, поскольку в человеке все движимо эмоциями, в том числе его

креативное мышление, его аксиологическое поведение, все его вербальные рефлексии, в том числе и эмоциональные.

Об этом же писали в свое время Ш. Балли, и Э. Станкевич, Д. Гоулман и Э. Стивенсон, да и сам Э. Сепир фактически признавал, что эмоции могут быть выражены языком. С. Kerbrat-Orecchioni отмечает (Kerbrat-Orecchioni, 1977), что эмоции могут быть выражены и телом, и в этом можно согласиться с автором, как и в том, что эмоции субъективны и они «подкрашивают» действительность. Но, по мнению данного исследователя, и эмоции, и язык, и тело являются неизменными формами демонстрации всего лишь инстинктов, присущих животным, поэтому они не могут быть рассмотрены как культурный концепт языка. С этим мнением современная лингвистика, в частности лингвокультурология и психолингвистика, согласиться уже не может.

Профессор Оксфордского университета Джин Эйчисон в одной из своих работ (Aitchison, 1985) сетует на то, что лингвисты боятся эмоций и мало о них пишут. До середины 70-х годов проблема языковой концептуализации и вербализации, равно как и категоризации эмоций, действительно была довольно экзотической и опасной: работы, изредка появлявшиеся в лингвистике на эту тему, чаще вызывали неприятие, чем интерес. Но с тех пор, как начали зарождаться контуры новой, гуманистической лингвистической парадигмы, с пристальным вниманием к создателю, носителю и пользователю языка, к его психологии, лингвисты уже не могли обойти сферу эмоций как самый человеческий фактор в языке. На смену общеизвестному категоричному зевгинцевскому «это не язык» приходит осознание того, что Ш. Балли во многом был прав, задавшись вопросом «откуда возникла эмоция» и провозгласив приоритет аффективного в языке. Исходит ли она из слов и оборотов или идет от личности, которая произносит фразы, в самом языке существует эмоция или в сознании говорящего, зависит ли она от обстоятельств произнесения речи, от ситуации? По мнению Ш. Балли, эмоциональные компоненты существуют на всех этих уровнях языка (что подтверждается современной лингвистикой эмоции (Goleman, 1997; Шаховский, 2001; Филимонова, 2001 и др.)).

Признавая, что большинство слов во всех языках имеет эмоциональную составляющую, которая является результатом удовольствия или боли, некоторые французские лингвисты (см.: Kerbrat-Orecchioni, 1977) продолжали, однако, утверждать, что эта составляющая не входит в семантику слова, а представляет собой нарост, ассоциацию, входящую в концептуальное ядро. Это мнение противоречит достижению отечественных психолингвистов, которые считали деление словарного состава языка на эмоциональный и нейтральный неоправданным, поскольку любое слово дискурсивно и может быть эмоционально заряженным (Сорокин, 2002; Мягкова, 2000; Шаховский, 1998). Таким образом, вышеприведенное заявление Э. Сепира о том, что демонстрация эмоций не представляет никакого интереса для лингвистики, все же следует считать устаревшим.

В том, что эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления и социального поведения, уже мало кто сомневается. Отечественные лингвисты В. А. Мальцев, С. Б. Берлизон, М. Д. Городникова, Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, Е. М. Галкина-Федорук, Н. М. Павлова, О. И. Быкова, Н. М. Михайловская, автор этих строк и др., опережая западноевропейских и американских лингвистов, стояли у истоков нового, эмотиологического направления в лингвистике, еще замкнутой в тесных рамках системно-структурной парадигмы. Именно поэтому в отечественной традиции уже сложились подходы к разработке проблемы эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоционального поведения, эмоциональной / эмотивной лакуарности во внутри- и межкультурной коммуникации.

Чрезвычайно интересным для современной лингвистики эмоций является утверждение о том, что «чем более эмоционально нагружен знак, тем он менее лингвистичен; чем больше он становится лингвистичным, тем больше эмоциональности он теряет» (Ш. Балли, цит. по: Kerbrat-Orecchioni, 1977). Это мнение Ш. Балли нетрудно оспорить с позиции современной коммуникативистики. В эмоциональном типе коммуникации, в эмотивных речевых актах эмоциональные знаки несут (выражают) вершинные смыслы именно потому, что они остаются лингвистическими (см., например, междометия, эмоционально-усилительные наречия, прилагательные, восклицания, инвективы и т.п.). Заявление Ш. Балли о том, что «чем больше знак лингвистичен, тем больше эмоциональности он теряет» требует экспериментальной проверки, поскольку все зависит от дискурса и от эмоционального состояния коммуникантов. Если Ш. Балли имел в виду дискурсивное и индивидуальное употребление лингвистического языкового знака, то можно с ним согласиться. Однако его противопоставление лингвистичности и эмоциональности языковых знаков с позиции современной психолингвистики представляется ошибочным. Повторю: с точки зрения психолингвистики семантика всех слов ингерентно или адгерентно всегда эмоционально нагружена.

Напомню, что аналогичные противопоставления делал и Р. Якобсон, выделяя знаки, выполняющие экспрессивную (междометия) vs репрезентативную функции (Jakobson, 1963). Как отдельные функции языка эти две функции действительно следует выделить. Но в речевой деятельности, особенно в художественной, репрезентативные знаки могут выполнять экспрессивную функцию, поэтому такое деление с позиции лингвистики эмоций является условным.

Современно звучит мысль М. Бреая о том, что речь была создана не для описания, повествования и непредвзятых рассуждений, а для того, чтобы выражать желание, делать предписания, а все это не может быть произведено без эмоционального сопровождения (ср. с вышеприведенным мнением Р. Якобсона). Сегодня большая часть лингвистов признает наличие в слове эмоционального и рационального компонентов и соглашается с тем, что

стилистика речи задается эмоциональным выбором говорящего (ср.: бытовая речь, художественная коммуникация и др.).

Впервые на пленарном заседании XIV Международного конгресса лингвистов в Берлине в 1987 г. прозвучал доклад Ф. Данеша об эмоциональном аспекте языка (Danes, 1987), в котором открыто и убедительно говорилось о тесной взаимосвязи когниции и эмоции, была показана огромная лингвистическая значимость изучения этой стороны языка. Решением конференции проблема «Язык и эмоции» была названа в числе пяти наиболее приоритетных направлений современных лингвистических исследований. Этот факт побудил многих отечественных и зарубежных лингвистов перенести проблемы языкового выражения и коммуникации эмоций в центр исследовательской тематики.

Немецкие лингвисты, которые особенно плодотворно разрабатывали проблемы текстолингвистики, не могли не обратить внимания на то, что любой художественный текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей. В художественном произведении особенно очевидно, что целью их речевой деятельности в абсолютном большинстве случаев является эмоциональный контакт (фатическая функция эмоций) или аффектация чувств (прагматическая функция эмоций). В художественном тексте эмоции наблюдаются не прямо, а через специфические языковые знаки, которые материальны, наблюдаемы и служат для манифестаций эмоций (Nischik, 1992: 190). Именно благодаря текстолингвистике, привлекая внимание лингвистов к эмоциям в тексте, из 35 докладов, прочитанных в 1991 г. на конференции Anglistentag в Дюссельдорфе (ФРГ), 18 было посвящено языку эмоций, эмоциональному лексикону, синтаксису, пунктуации, метафоре, а также многочисленным проблемам межкультурной специфики вербальной и невербальной манифестации эмоций (Anglistentag, 1991).

В мировой науке появляется все больше работ, посвященных сложной и многоаспектной природе эмоций. В результате все увеличивающегося интереса ученых (работающих в различных областях знания) к данной проблеме, в том числе и в области языкознания, при Гарвардском университете в 1985 г. был создан Международный центр по исследованиям эмоций.

Всемирная гуманитарная наука накопила огромный багаж знаний об эмоциональном мире человека. Так, уже не вызывает сомнения, что эмоции включены в структуру сознания и мышления, что они сопряжены с когнитивными процессами и с *mental style*. Каждая эмоция имеет свои характерные знаки, каталог которых формирует семиотику эмоций человека. В то же время эта корреляция не является моделью типа *one emotion – one style*. Эмоции тесно связаны со знаниями: меняются знания, мысли, и это влечет изменение эмоций человека. Установлено, что эмоции меняются во времени. Разному возрасту человека «приписаны» свои эмоции, различным поколениям людей свойственны более или менее различные доминантные эмоции (сравним XVIII век сентиментальности и сенсуальности с XX – веком прагматизма и жестокости). Являясь частью естественного развития

человеческой расы, эмоции универсальны и узнаваемы во всех культурах. Выделяются фундаментальные эмоции, количество которых (инвентарь), однако, различается в разных научных школах. Признается, что все эмоции конституируются социокультурными параметрами (Diller, 1992: 26), поэтому, помимо универсальных эмоциональных переживаний, наблюдаются и специфические для определенной культуры эмоции. Напомню, что культура находит свое отражение в языке (Язык и культура, 1992; Язык. Сознание. Этнос. Культура, 1994), а так как эмоции являются составной частью культуры любого народа, то они облигаторно концептуализируются и вербализуются в его языке.

Нормы выражения эмоций тоже нестабильны и меняются от культуры к культуре, от эпохи к эпохе внутри одной культуры, от одного социального класса к другому. Со временем они предписывают использование различных средств (vocal / nonvocal, verbal / nonverbal) и способов выражения эмоций. Так, в XVIII в. – веке эмансипации эмоций – было модным падать в обморок (см. сенсуальные романы западноевропейских писателей), запрещено было произносить и печатать инвективы, знак «носовой платок» входил в семиотику горя, разлуки. В середине XIX в., судя по данным художественной литературы того времени, англоговорящие народы демонстрировали холодность и безразличие друг к другу, сменившиеся в XX в. выражением сочувствия и теплоты. Известно также, что в XVIII в. сентиментальность была и привлекательна, и модна, а в XX – нет. Соответственно и языковые (равно как и неязыковые) средства выражения сентиментальности потеряли актуальность и прагматичность.

В настоящее время выпущено большое количество специализированных словарей нецензурной лексики (напр., Dictionary of Russian Obscenities, 1980; Флегон, 1973 и др.), общие толковые словари свободно включают инвективы, в том числе и предельно нестандартные, а художественная литература, театр и телевидение сняли все преграды на пути вербальной эмоциональной агрессии и *self expression*. Этические нормы, шлюзовавшие вульгарные аффективы, либерализовались в современной русской языковой общности, и отрицательная эмоциональная энергия, которая соотносит человека с нашим реальным миром, обрушилась на голову и душу русской языковой личности.

Известно также, что есть эмоции, есть их физиологическая экстерниоризация (смех, слезы, тремор и т.д.) и есть разные способы их вербализации – название, выражение, описание (Шаховский, 1987). Другими словами, имеются как минимум две семиотические системы эмоций – Body language и Verbal language, находящиеся в соотношениях, которые науке еще предстоит изучить и описать. В общих чертах уже установлено, что первичная семиотическая система превосходит вторичную (вербальную) по надежности, скорости, прямоте, степени искренности и качества (силы) выражения и коммуникации эмоций, а также по адекватности их декодирования получателем. Многие аспекты человеческой жизнедеятельности просто не передаются словами: язык беднее

действительности, его семантическое пространство неполностью покрывает весь мир. Каждый из нас не раз испытывал «муки слова» при выражении и коммуникации своих эмоций: степень аппроксимации языка и сиюминутно переживаемых эмоций далека от желаемого всегда. Кроме того, эмоции никогда не проявляются в чистом, отдифференцированном виде, и потому их вербальная идентификация всегда субъективна (Diller, 1992: 26-27). Одна и та же эмоция выражается разными языковыми личностями по-разному в зависимости от множества факторов, в том числе и неязыковых (например, от фона общения). По меткому замечанию А. Хеллера, эмоции всегда когнитивны и ситуативны (Heller, 1979; Bonheim, 1992: 182), а, следовательно, и выбор языковых средств их выражения тоже ситуативен.

В качестве семантической универсалии лингвистами отмечается тот факт, что в лексиконе эмоций всех языков наблюдается дихотомия по типу оценочного знака. Если сравнить эмотивную лексику с этой точки зрения, то можно обнаружить, что во многих языках эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в количественном отношении больше, чем эмотивов с положительной оценкой, но употребляются они, предположительно, при общении значительно реже, чем положительно оценочные эмотивные знаки. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные системы разных народов и культур, в основном, похожи: негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании (ср.: *happy and sad, sad and happy*), что объясняется психологическим стремлением человечества к позитивности. Другим сходным моментом для различных языковых культур является то, что положительные эмоции выражаются разными народами более или менее однообразно и диффузно, чем отрицательные, которые всегда конкретны, отчетливы и многообразны (Noth, 1992: 83).

В настоящее время в лингвистике эмоций можно выделить следующие проблемы, уже сложившиеся в несколько приоритетных направлений:

- типология эмотивных знаков, служащих для фиксации различных проявлений эмоций;
- влияние эмоционального типа *mind style* на формирование языковой картины мира, понятие эмоциональной языковой картины мира;
- коммуникация эмоций;
- корреляция лексиконов эмоций различных языков мира;
- национально культурная специфика выражения эмоций;
- критерии эмотивности языка и его знаков;
- соотношение лингвистики и паралингвистики эмоций;
- влияние эмансипации эмоций на языковые процессы;
- эмоциональная окраска текста;
- эмотивное семантическое пространство языка и эмотивное смысловое пространство языковой личности;
- лексикография эмотивности;
- прагматика описания и выражения своих сиюминутных, прошлых и чужих эмоций, сокрытие, имитация, симуляция эмоций.

Естественно, что это далеко не полный перечень основных направлений и проблем: это то, что давно лежит на поверхности и настойчиво стучится в двери эмотиологии. Однако с тех пор, как в 1970 г. академик А.А. Леонтьев (1970) отметил, что в отечественной науке отсутствует лингвистическая теория эмоциональной стороны речи, в языкознании и психолингвистике сделано очень многое для разработки подобной теории, теории, которая оказывает существенную методологическую помощь исследованию перечисленных выше и многих других проблем эмотиологии и лингвистики в целом. Эмотиология далеко ушла от того положения дел, когда были актуальны заявления, подобные следующим: «эмоциональной лексики в языке нет» (Е.М. Галкина-Федорук), «эмоции не входят в структуру языка» (В.А. Звегинцев) и т.п. Теперь бесспорны утверждения иного типа: «в языке все эмоционально» (Ш. Балли), «все высказывания эмоциональны» (В.Г. Гак), «вся лексика языка / речи эмоциональна» (Е.Ю. Мягкова и др.).

Достижения эмотиологии, как отечественной, так и зарубежной, только за последние 10 лет довольно внушительны:

- доказано существование эмоционального дейксиса у языковой личности, эмоционального тренда / индекса национальной лингвокультуры;
- установлено наличие семантических признаков и конкретизаторов как составляющих мельчайших эмотивных смыслов;
- выявлены факты эмоциональных доминант текста, высказывания;
- установлена процедура (языковой механизм) эмоциональных приращений к языковой семантике;
- выделен специфический тип валентности – эмотивной валентности – языковых и речевых единиц, благодаря которой происходит эмоциональное приращение смыслов;
- установлена категориальность эмотивности языка и ее полистатусность;
- выделен ряд новых направлений в эмотиологии: «Лингвокультурология эмоций», «Концептология эмоций», «Гендерная эмотиология», «Голос эмоций в политической лингвистике», «Когнитивно-дискурсивная эмотиология», «Эмотивность текста», «Эмотивная лакунарность в межкультурной коммуникации» и др.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7-23.
2. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 1961.
3. Барт Р. S/Z. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций / В.К. Вилюнас // Психология эмоций. Тексты. – М., 1984.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М., 1992.

6. Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи / А.А. Леонтьев // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. – М., 1970.
7. Мягкова Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е.Ю. Мягкова. – Курск, 2000.
8. Сорокин Ю.А. Межличностное общение и его этнокультурная специфика / Ю.А. Сорокин // *Hermeneutics and Rhetoric in Russia* [Электронный ресурс]. – 2002. – № 1. – Режим доступа: www.hermeneuticsonline.net (дата обращения: 14.11.2007)
9. Степанов Ю.С. Слово / Ю.С. Степанов // *Philologica*. – 1994. – Vol. 1/2.
10. Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивные и эмотивные аспекты): Дис. ... докт. филол. наук / О.Е. Филимонова. – СПб., 2001.
11. Флегон А. За пределами русских словарей / А. Флегон. – London, 1973.
12. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы / В.И. Шаховский, Ю.А. Сорокин, И.В. Томашева. – Волгоград: «Перемена», 1998.
13. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи / В.И. Шаховский // *Вопросы языкознания*. – 1984. – № 6. – С. 97-104.
14. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж, 1987.
15. Шаховский В.И. Эмоции – мысли в художественной коммуникации / В.И. Шаховский // *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*. – Волгоград-Саратов, 1998. – С. 81-92.
16. Шаховский В.И. Когнитивные ресурсы эмоциональной языковой личности / В.И. Шаховский // *Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации*. – Волгоград, 2001. – С. 11-16.
17. Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В.И. Шаховский // *Филологические науки*. – 2002. – № 4. – С. 59-67.
18. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – М., 2007. – 192 с.
19. Эмотивный код языка и его реализация. – Волгоград: «Перемена», 2003.
20. Язык и культура // *Материалы Первой межд. конф.* – Киев, 1992.
21. Язык и эмоции. – Волгоград: «Перемена», 1995.
22. Язык. Сознание. Этнос. Культура: Тез. докл. XI Всерос. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1994.
23. Aitchison J. Cognitive clouds and semantic shadows / J. Aitchison // *Language and Communication*. – Oxford, 1985. – P. 69-93.
24. Anglistentag–1991. Düsseldorf // *Proceedings*. Edit. by Wilhelm L. Busse. – Tübingen: Niemeier, 1992.

25. Bonheim U. Emotions in Literature / U. Bonheim // Proceedings. – Tübingen: Niemeier, 1992.
26. Danes F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary-Survey of the Field / F. Danes // Preprints of the Plenary Session papers of the XIV-th International Congress of Linguists. Berlin, 10-15 August 1987. – Berlin, 1987. – P. 272-291.
27. Dictionary of Russian Obscenities / comp. by D.A. Drummond, G. Perkin. – Berkeley, 1980.
28. Diller H.J. Emotions and the Linguistics of English / H.J. Diller // Proceedings. – Tübingen: Niemeier, 1992.
29. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ? / D. Goleman. – Bentam Books, 1997.
30. Heller A. A Theory of Emotions / A. Heller. – Assen, 1979.
31. Jakobson R. Essais de linguistique g'enerale / R. Jakobson. – Paris, 1963.
32. Kerbrat-Orecchioni C. La connotation / C. Kerbrat-Orecchioni. – Lyon, 1977.
33. Nischik R. Betrayal psychohistorically: The Representation of emotions in the British Drama / R. Nischik // Proceedings. Edit. by Wilhelm L. Busse. – Tübingen: Niemeier, 1992.
34. Noth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words / W. Noth // Proceedings. – Tübingen: Niemeier, 1992.
35. Pinker S. The Language of Instinct. How the Mind Creates Language / S. Pinker. – N.Y., 1994.
36. Sapir E. Language: An introduction to the study of speech / E. Sapir. – N.Y., 1921.

References

1. Arutyunova N.D. Naivnyye razmyshleniya o naivnoy kartine yazyka / N.D. Arutyunova // Yazyk o yazyke. – M.: Yazyki russkoy kultury, 2000. – S. 7-23.
2. Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika / Sh. Balli. – M., 1961.
3. Bart R. S/Z. – M.: Editorial URSS, 2001.
4. Vilyunas V.K. Osnovnyye problemy psikhologicheskoy teorii emotsiy / V.K. Vilyunas // Psikhologiya emotsiy. Teksty. – M., 1984.
5. Giyom G. Printsipy teoreticheskoy lingvistiki / G. Giyom. – M., 1992.
6. Leontyev A. A. Psikhofiziologicheskiye mekhanizmy rechi / A.A. Leontyev // Obscheye yazykoznaniye: Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka. – M., 1970.
7. Myagkova Ye. Yu. Emotsionalno-chuvstvennyy komponent znacheniya slova / Ye.Yu. Myagkova. – Kursk, 2000.
8. Sorokin Yu.A. Mezhlchnostnoye obshcheniye i yego etnokulturnaya spetsifika / Yu.A. Sorokin // Hermeneutics and Rhetoric in Russia [Elektronnyy resurs]. –

2002. – № 1. – Rezhim dostupa: www.hermeneuticonline.net (data obrashcheniya: 14.11.2007)
9. Stepanov Yu.S. Slovo / Yu.S. Stepanov // *Philologica*. – 1994. – Vol. 1/2.
 10. Filimonova O.E. Kategoriya emotivnosti v angliyskom tekste (kognitivnyye i emotivnyye aspekty): Dis. ... dokt. filol. nauk / O.E. Filimonova. – SPb., 2001.
 11. Flegon A. Za predelami russkikh slovarey / A. Flegon. – London, 1973.
 12. Shakhovskiy V.I., Sorokin Yu.A., Tomasheva I.V. Tekst i yego kognitivno-emotivnyye metamorfozy / V.I. Shakhovskiy, Yu.A. Sorokin, I.V. Tomasheva. – Volgograd: «Peremena», 1998.
 13. Shakhovskiy V.I. Znachenije i emotivnaya valentnost yedinitz yazyka i rechi / V.I. Shakhovskiy // *Voprosy yazykoznanija*. – 1984. – № 6. – С. 97-104.
 14. Shakhovskiy V. I. Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka / V.I. Shakhovskiy. – Voronezh, 1987.
 15. Shakhovskiy V.I. Emotsii – mysli v khudozhestvennoy kommunikatsii / V.I. Shakhovskiy // *Yazykovaya lichnost: sotsiolingvisticheskiye i emotivnyye aspekty*. – Volgograd-Saratov, 1998. – S. 81-92.
 16. Shakhovskiy V.I. Kognitivnyye resursy emotsionalnoy yazykovoy lichnosti / V.I. Shakhovskiy // *Yazykovaya lichnost: problemy kognitsii i kommunikatsii*. – Volgograd, 2001. – S. 11-16.
 17. Shakhovskiy V.I. Yazykovaya lichnost v emotsionalnoy kommunikativnoy situatsii / V.I. Shakhovskiy // *Filologicheskiye nauki*. – 2002. – № 4. – S. 59-67.
 18. Shakhovskiy V.I. Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka / V.I. Shakhovskiy. – M., 2007. – 192 s.
 19. *Emotivnyy kod yazyka i yego realizatsiya*. – Volgograd: «Peremena», 2003.
 20. *Yazyk i kultura // Materialy Pervoy mezhd. konf.* – Kiyev, 1992.
 21. *Yazyk i emotsii*. – Volgograd: «Peremena», 1995.
 22. *Yazyk. Soznaniye. Etnos. Kultura: Tez. dokl. XI Vseros. simp. po psikholingvistike i teorii kommunikatsii*. – M., 1994.
 23. Aitchison J. Cognitive clouds and semantic shadows / J. Aitchison // *Language and Communication*. – Oxford, 1985. – P. 69-93.
 24. *Anglistentag–1991. Düsseldorf // Proceedings. Edit. by Wilhelm L. Busse*. – Tübingen: Niemeier, 1992.
 25. *Bonheim U. Emotions in Literature / U. Bonheim // Proceedings*. – Tübingen: Niemeier, 1992.
 26. Danes F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary-Survey of the Field / F. Danes // *Preprints of the Plenary Session papers of the XIV-th International Congress of Linguists. Berlin, 10-15 August 1987*. – Berlin, 1987. – P. 272-291.

27. Dictionary of Russian Obscenities / somr. by D.A. Drummond, G. Perkin. – Berkeley, 1980.
28. Diller H.J. Emotions and the Linguistics of English / H.J. Diller // Proceedings. – Tübingen: Niemeier, 1992.
29. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ? / D. Goleman. – Bentam Books, 1997.
30. Heller A. A Theory of Emotions / A. Heller. – Assen, 1979.
31. Jakobson R. Essais de linguistique g'enerale / R. Jakobson. – Paris, 1963.
32. Kerbrat-Orecchioni C. La connotation / C. Kerbrat-Orecchioni. – Lyon, 1977.
33. Nischik R. Betrayal psychohistorically: The Representation of emotions in the British Drama / R. Nischik // Proceedings. Yedit. by Wilhelm L. Busse. – Tübingen: Niemeier, 1992.
34. Noth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words / W. Noth // Proceedings. – Tübingen: Niemeier, 1992.
35. Pinker S. The Language of Instinct. How the Mind Creates Language / S. Pinker. – N.Y., 1994.
36. Sapir E. Language: An introduction to the study of speech / E. Sapir. – N.Y., 1921.

(0,42 п.л.)